

Неожиданно дверь оказалась приоткрытой, и громкий звук, вызванный её открытием, заставил всех внутри поднять на него взгляды.

Тётя Гуань, вторая тётя и другие пожилые женщины сидели во дворе, очищая стручки фасоли, как обычно. Единственным отличием было то, что их голоса звучали на несколько тонов тише, и если не прислушиваться, казалось, что они бормочут что-то невнятное.

В сердце Гу Шэна внезапно стало тяжело.

Никто не говорил. Он резко повернул голову к двери рядом и увидел на ней белую табличку с чёрными иероглифами, перечёркнутую большим крестом. Надпись «Синьцзинькоу» была чёрной и бросалась в глаза, как и на том, что он видел по дороге.

Тётя Гуань вдруг громко зарыдала, её пронзительный голос звучал, как крик призрака, требующего мести.

— Гу Шэн! Мэйсян умерла ужасно! Нелюди! Эти солдаты — нелюди! Они убивают всех! Даже детей не щадят!

Её голос был слишком высоким, и пронзительный крик, словно иглы, вонзался в уши Гу Шэна, заставляя его отступить на полшага.

— Нелюди... Нелюди!

Рыдания женщины раздавались снова и снова, перемежаясь с вздохами окружающих её шести или семи женщин. Низкие карнизы крыши казались внезапно нависшими над головой, тяжело зависнув в воздухе.

Нехорошее предчувствие окончательно подтвердилось, и Гу Шэн машинально покачал головой:

— Что?

Женщины, хмурясь, начали рассказывать о случившемся:

— Линь подобрала окурок на территории иностранцев и столкнулась с важной персоной. Кого винить? Мы же предупреждали, чтобы туда не ходили. Её проткнули штыком, кровь... фу, брызнула на такую длину...

— Мэйсян каким-то образом узнала об этом, рыдала и пошла требовать справедливости, но японцы её даже не слушали! Её просто утащили. Её... её тело нашли в реке пару дней назад, одежда вся изорвана. Рыбак, увидев, как это ужасно, выловил её бесплатно... Но денег на похороны нет, она всё ещё лежит на заднем дворе, уже разлагается...

— Грех... Грех...

Хлоп!

Коробка с печеньем упала на каменный пол двора, и неожиданный звук на мгновение заставил женщин замолчать. Они подняли взгляды и увидели, что лицо Гу Шэна стало смертельно бледным, он дрожал, спрашивая:

— Где она?

Он повторил вопрос, но никто не ответил. Во второй раз он резко повысил голос:

— Где она?!

Его крик был настолько пронзительным, что превзошёл даже рыдания второй тётки, словно острый шип, врезающийся в сталь, вызывая страх. Тётя Гуань покачала головой, закрыла глаза:

— На заднем дворе, лежат рядом. Посмотри на эту табличку — дом конфискован, откуда взять деньги на похороны?

Вторая тётка осторожно посмотрела на лицо Гу Шэна, словно боясь, что этот хрупкий молодой человек не выдержит, и поднялась, чтобы взять его за руку:

— Мы, такие как мы, можем умереть в любой момент, так что, в конце концов, какая разница, а?

Гу Шэн не смотрел на неё, его прямой взгляд был устремлён в никуда. Вторая тётка, видя, что он не реагирует, подумала, что он оцепенел от шока, и последовала за его взглядом:

— Эй? Ты в порядке...

Но Гу Шэн резко повернулся к ней, и на его лице в этот момент было не скорбь, а что-то близкое к холодной решимости. Вторая тётка замерла, а он медленно вздохнул, его голос был тихим и слабым:

— Я понял... Отведи меня на задний двор.

Когда Гу Шэн вернулся домой, было уже совсем темно. На окраине, лишённой ярких неоновых огней города, ночь вошла в дом, смешавшись с почти едким запахом дыма, заполнившим всю гостиную.

Цзян Чэн сидел на диване, и в тот момент, когда раздался звук открывающейся двери, красный огонёк между его пальцами внезапно вспыхнул ярче, а затем был брошен на пол и затушен ногой. На полу, который слуги начищали до блеска, уже беспорядочно валялись окурки.

Взгляд Гу Шэна слегка потемнел, но он молча переобулся и направился наверх.

— Ты где был? — мужчина выдохнул последнюю затяжку сигареты и хрипло спросил.

Его тон был уже крайне недобрым, раздражение находилось на грани срыва, и лишь крохи терпения сдерживали его ярость.

Гу Шэн остановился, бросив взгляд на гостиную:

— Навестил друга.

Цзян Чэн усмехнулся:

— Откуда у тебя друзья?

Как только Гу Шэн начал подниматься по лестнице, Цзян Чэн, словно леопард, выследивший добычу, двумя шагами взлетел наверх, схватил его за локоть и, прежде чем тот успел сопротивляться, прижал к перилам. Его взгляд был почти пугающим:

— А? Кроме тех любителей оперы и твоих коллег по трупке, у тебя есть ещё какие-то друзья,

которых ты навещаешь? Гу Шэн, ты даже не потрудился придумать внятную ложь?!

Он сжимал плечо Гу Шэна так сильно, что казалось, кости вот-вот хрустнут. Гу Шэн, схватив его за запястье, сквозь зубы выдавил:

— Я устал.

Лицо Гу Шэна было напряжено до предела, настолько, что на нём читалась неясная печаль. Это было очень заметно, даже в полумраке комнаты. Но Цзян Чэн, задыхаясь от невыплеснутой ярости, видел только то, что этот человек готов был провести время с кем-то другим, и ненавидел его так, что хотел разорвать на части.

— Устал? Я велел тебе сидеть дома, а ты куда-то сбежал? Я в штабе занят переговорами с этими ублюдками, и в перерывах звоню домой, а ты ни разу не ответил? — Цзян Чэн сжал его щёку, заставляя смотреть на себя. — А теперь говоришь, что устал и хочешь отдохнуть? Я тебя раньше не предлагал отдыхать?

— Цзян Чэн, не перегибай палку! — Гу Шэн повысил голос, схватив его за руку, сжимающую его лицо. — Если ты хочешь содержать шлюху, которая только ест и ждёт, чтобы её трахнули, — это твоё дело! Но не лезь ко мне, мне это противно!

— Шлюху, которая только ест и ждёт? — Цзян Чэн вдруг рассмеялся, схватил его за волосы и притянул ближе к себе, намеренно толкнув его бёдрами. — Разве я тебя не содержу?

Гу Шэн резко вырвался, словно это было смешно:

— Я? Я что, брал у тебя хоть кусок хлеба? Или ты...

Эти слова словно задели самое больное место в сердце Цзян Чэна, и ярость, копившаяся в нём с тех пор, как он вернулся из штаба, вспыхнула с новой силой. Его кулаки и ноги опередили мысли — Цзян Чэн пнул Гу Шэна, сбив его с ног, и потащил в главную спальню наверху!

...Это было тайной, о которой никто не знал. Даже сейчас, когда Гу Шэн был с ним, он не взял у него ни копейки.

Содержать актёра, который не тратит ни гроша от своего покровителя — что это? Это огромный позор для именитой семьи Цзиньчжоу.

Сун Чжао, впрочем, кое-что знал об этом. Когда он бывал в доме Цзян Чэна, тот упоминал об этом, но очень осторожно. Сун Чжао только после выхода из дома понял, что, возможно, речь шла о самом Цзян Чэне, и позвонил ему, чтобы успокоить: «Всё в порядке, всё в порядке, эта... эта женщина просто капризничает, ты будь щедрее, и рано или поздно она сдастся, и всё будет хорошо».

Цзян Чэн считал это логичным, но когда Ду Хань случайно проговорился и вынужден был сообщить, что Гу Шэн уже давно оплатил половину своего счёта, Цзян Чэн начал паниковать.

Гу Шэн словно крутился вокруг него, ничего не требуя, и в любой момент мог уйти.

У него была его труппа, его опера, то, что он любил больше жизни. Цзян Чэн в его глазах, вероятно, был хуже грязи, недостойным даже взгляда.

Это осознание было невыносимым для Цзян Чэна. То, что другие жаждали, казалось, не имело

для него никакой привлекательности. Цзян Чэн должен был быть благодарен за свою власть и положение, которые позволили ему так легко получить тело Гу Шэна — эта сделка должна была на этом закончиться, но Цзян Чэн не мог смириться.

Даже он сам не осознавал своей ненасытности.

Беспричинное недовольство и неудовлетворённость, источник которых он не мог определить, бушевали в сердце Цзян Чэна, и с каждой минутой он становился всё более жестоким и неутомимым. Его физическая сила и так превосходила обычную, а в ярости он был и вовсе неуправляем. Гу Шэн не мог сдержать прерывистых стонов, которые в конце почти перешли в плач, и он мелко дрожал.

Он изо всех сил пытался повернуться на бок, чтобы облегчить невыносимую глубину, но тут же был грубо перевернут, и горячее тело мужчины накрыло его, влажное дыхание и язык снова и снова скользили по его коже.

(Отсутствуют)

<http://bllate.org/book/16144/1445717>